

Николай Петрович Вагнер

Макс и Волчок

Н. П. Вагнер
МАКС И ВОЛЧОК

Макс проснулся поздно на своей маленькой постельке. Солнце давно уже светило сквозь кисейные занавески. Уже два раза подходили и мамка, и дядька, и даже сама бабушка к постельке Макса, а он все спал. Он спал, потому что с вечера уснул поздно. С вечера он все пел песни и рассказывал сказки. Прыгал и хохотал. Насмешил и мамку, и бабушку, и дядьку.

— Ничего не поделаешь с этим баловнем! — ворчала бабушка и все-таки смеялась. И нельзя было не смеяться, потому что Макс так уморительно передразнивал старого беззубого повара Демидыча и представлял, как он стряпает торт с таракашками.

— Положу таракашку, сделаю кашку, положу изюминку, утешу бабушку беззубеньку, скажет: спасибо, Демидыч, больно мягко и сладко.

И Макс хохотал, а за ним хохотала бабушка, а за ней и мамка, а за ней и дядька хохотал и приговаривал:

— Ну, тебя! ложись, сударь. Сон прогуляешь, вдоль ночи попадешь. Нехорошо будет.

И наконец Макс проснулся. И мамка, и

дядька, и бабушка точно ожили. Как будто солнце открыло глаза и посмотрело на них. Но Макс встал не в духе. Он хмурился и молчал. Молча пил чай с густыми сливками и сладкими пирожками; молча ходил грустный по комнатам. И мамка, и дядька, и бабушка оставили его в покое. Они знали, что это — чудной ребенок. И если встал левой ножкой с постели, то лучше не трогать его, а то как раз расплачется и расхворается. И Макс действительно совсем готов был заплакать. На сердце у него, как говорил он, было не тяжело, а легче! Это сердце постоянно замирало. И тоска и хандра давили это маленькое сердце.

Но в девичьей увидел Макс большого слепня, который жужжал на окне и стучался толстой головой о стекла.

«А что, если посадить этого слепня к слепенькой бабушке в табакерку? подумал Макс и улыбнулся. — Бабушка добренькая. Она так любит меня. Она еще вчера подарила мне такую славную книжку. Добрая бабушка! А я все-таки посажу тебе слепня в табакерку!..»

И Макс ловит слепня и, разумеется, тихонько от бабушки, садит его к ней в табакерку.

ку. И вертится он около бабушки, и ждет не дождется, когда она откроет табакерку. А бабушка все толкует с управляющим Карлом Ивановичем, все толкует о лесе. И только что она начала волноваться и доказывать Карлу Ивановичу, что лесу ubyло, как в это самое время взяла она, вероятно от волнения, табакерку, понюхать табаку, и открыла ее. И вдруг табакерка зажужжала, табак во все стороны, табакерка на пол, слепень летит, гудит, точно обрадовался, а Макс хохочет, хохочет и вместе с тем целует у бабушки руки.

— Бабушка, ведь это я сделал, я... я слепня посадил!

— Что будешь делать с озорником?!

И никто в доме не знает, что с ним делать. Всем он надоел и всем он мил. Такой шаловливый и такой добрый и занятный. Всем надосадит и всем угодит. Всех разжалобит и всех насмешит.

Случилось раз зимой, что Макса не пустили гулять в сад.

— Куда ты пойдешь, — говорила бабушка, — вьюга, холод.

— Не ходи, батюшка, — уговаривала мам-

ка, — не ходи, родной, простудишь грудку, головку — видишь, ты какой хилый, тебя и в комнате-то надо в охлопочках держать.

И Макс не пошел. Целый день он дулся, хандрил, а вечером вдруг развеселился.

— Слушай, бабушка, я тебе сказку расскажу.

— Ну! расскажи, расскажи, мой забавник.

И Макс принялся рассказывать. А из девичьей тихонько уже выползли девушки и расположились слушать, какую будет барич сказку рассказывать.

— Сеял мужик репку, — начал Макс.

— Гречку, сударь, а не репку, — поправляет мамка.

— А ты не перебивай, а то я не буду рассказывать, — обижается Макс. Сеял мужик репку, садил ее в грядку. Которое семечко попало на камешек, его птички склевали, которое попало между грядок, его ветром сдуло, а одно семечко попало в теплый уголок, в котором было много навозу. «Вот как хорошо, — говорит семечко, — и тепло и мягко. Просто раздолье!» — «Погоди, говорят ему другие семечки, — как бы с большого тепла не стало холод-

но». Но семечко их не слушало и выпустило корешок прямо в навоз. «Ну, — сказали другие семечки, — тише едешь, дальше будешь. Мы еще погодим».

И они ждали несколько дней и потом начали расти. Их маленьким корешкам было очень трудно. Земля была жесткая, холодная. Но зато корешки их стали крепкие, длинные, а у семечка в навозе самый кончик корешка совсем сгнил.

И вот пошел дождичек. Все корешки начали пить воду и наконец сказали: «Довольно, много нельзя пить!» — «Как нельзя, почему нельзя! — кричало семечко, которому было тепло в навозе. — Так хорошо пить. Вкусно!» И оно пило, пило, так что весь корешок его налился водой.

Потом начали все корешки раздуваться. Стебельки от них выпустили много новых листьев, и сами корешки стали репками.

Долго ли, скоро ли, наконец все репки выросли. И репка в навозе раньше всех. Она стала такой большой репкой, пухлой да нежной, что на всех смотрела гордо и спесиво.

— Вот видите ли, — говорила она, — как

хорошо расти в навозе!

— Погоди! — говорили другие репки, — осень придет, все разберет.

И вот пришла осень — холодно, сыро. Пошли дожди и дожди: «Батюшки! кажется, я лопну! — говорит репка в навозе, — до того мне хорошо. Все-то я пью да пью». И она вся стала как наливное яблоко. «А нам и так хорошо! сказали другие репки. — Мы к холоду привыкли. А пить мы теперь уж ни за что не станем».

И вот пришли холода, морозы. Всем репкам ничего, хорошо. На холоде они повеселели. «Славный, — говорят, — холод! Здоровый холод!»

Забрался мороз и в навоз. Как только обхватил он репку, что сидела в навозе, она вся съежилась.

— Батюшки! — закричала она, — братцы, сестрицы, помогите. Я совсем озябла.

А братцы и сестрицы все засмеялись.

— Пар костей не ломит. Мороз не сушит, — сказали они. — Нам в земле тепло, а ты и в навозе озябла.

— Соседка, родная голубушка! — просит

репка, — посмотрите, пожалуйста, я, кажется, хвостик себе отморозила.

— Он уж у тебя давно сгнил, — говорит соседка. — И давно стала ты пареной репкой.

— Ух! Ах!.. брррр! смерть моя! — стонет пареная репка. А мороз все крепче и крепче жмет ее.

Прошло несколько дней. Настала пора дергать репки. Пришел мужик, а с ним и ребятки пришли.

Надергали репок. Все репки как репки: крепкие, желтые, здоровые. Вытащили и пареную репку.

— Тятя! — закричал сын мужика. — Смотри, какая репка большущая!

Мужичок посмотрел на репку и сказал:

— Сущая дрянь. Это — пареная репка, дряблая да водянистая; никуда не годна.

И репку выбросили в помойную яму. Туда ей и дорога, а тебе, бабушка, вся сказка. Я — пареная репка, а кто будет навоз — об этом ты, бабушка, с мамкой подумайте. Авось, догадаетесь!

И Макс захохотал и убежал.

А ночами Макс часто не спал. Он все ду-

мал, отчего солнце не всегда греет так, как в далеких теплых странах. И как бы хорошо было, если бы постоянно было светло и тепло. Если бы был вечный день и вечное лето. «Если бы я мог, — думал Макс, — я всех бы сделал добрыми и красивыми. Все у меня были бы сыты, ели вкусно, одевались хорошо. Всем бы было тепло и светло». И ему представилось, как все люди, со всего земного шара, толпятся, волнуются, как море. Он видел ясно, что все были довольны и веселы. Везде блесело золото и хрусталь. Везде были цветы. Все были в таких ярких одеждах, и на всем был чудный розовый отблеск. Этот розовый свет носился волнами, и самые люди были как море; они шли толпами, волновались, как море, а там, на дальнем горизонте, тонули в розовых волнах, как в летний вечер тонет даль в сумерках розовой зари.

И лежал он, не глядя ни на что и не закрывая глаз. Ничего не видя и не слыша, он был весь внутри своего мира. И под музыку розовых волн изнутри пел ему голос чудную песню:

Свете тихий! Свете дивный!

*Все живет в твоих волнах,
Мчатся звуки, льются звуки,
Счастьем, миром и надеждой,
Вечной радостью звучат.
Свете тихий! Свете дивный!
Да исчезнет сумрак лжи,
Тьма обманов, царство злобы;
И воскресший, обновленный,
Мир, как агнец неповинный,
Отдохнет в твоих волнах!
Свете тихий! Свете дивный!..*

И песня лилась, звучала без конца. У Макса выступали слезы на глаза, сердце билось и замирало. И наконец, весь измученный этим волнением, утомленный, он засыпал чутким, нервным сном, вздрагивая и тихо всхлипывая сквозь сон.

И опять на другое утро и бабушка, и мама, и дядька долго подходили на цыпочках и прислушивались, перешептываясь, как спит Макс, и смотрели на бледное, исхудалое личико его, на полуоткрытые глаза и разметавшиеся волосы. И опять Макс вставал поздно и целый день хмурился и скучал.

Раз, в одно жаркое лето, перед самыми Петровками, Макс несколько дней ходил су-

мрачный и задумчивый. И бабушка, и мамка, и дядька, никто ничем не мог развлечь его. Дядька сделал ему удивительный самострел, которым даже можно было убить галку. Макс посмотрел на самострел и пошел прочь. Нянька принесла ему целых шестеро маленьких котят, которых так любил Макс. Он погладил котят и снова ушел в свою думу. Бабушка тихонько от него выписала ему из города новых хороших книг. Макс посмотрел их и отложил в сторону.

И вдруг Макс пропал. Пропал без следа в самые Петровки, когда и бабушка, и мамка, и дядька пришли от обедни и принялись разговляться. Искали Макса по саду, искали по всему дому. Макса не было. Стали искать по деревне, по всему околотку. Нет Макса. Старый дядька измучился, ездивши повсюду, отыскивая. Мамка все глаза выплакала. Бабушка слегла в постель. Она сулила пол-имения тому, кто найдет Макса, но никто не мог его найти.

Проходили дни за днями. Все в доме бродили как в чаду, толковали, спорили, бранились, хныкали, охали, ворожили, молились,

ждали по целым дням, не спали по ночам. А о Максе все ни слуху ни духу. Сгиб и пропал, точно в воду канул...

У бабушки, позади ее большого дома с колоннами, был большой лес. Этот лес шел далеко в горы, и никто в нем не жил, кроме птиц, лисиц, волков и всяких мелких зверей. Мамка Макса рассказывала, что в этом лесу также живут Леший и Русалки, но Макс этому не верил. Зато он верил другому. Он верил, что в этом лесу было счастье всех людей; что там, в этом лесу, где не было ни одного человека, — был тот, у кого он выпросит, да, непременно выпросит царство света.

И он шел по этому лесу и тихо пел:

Свете тихий! Свете дивный!..

Он шел уже с полверсты, озираясь по сторонам и прислушиваясь ко всякому шороху.

— Ну, а если вдруг выскочит волк и съест меня? — спрашивал он у себя. И у него замирало сердце, но он храбрился, молился и еще громче пел:

Свете тихий! Свете дивный!..

Он шел по тропинке, лес становился гуще, тропинка путалась в кустарнике и, наконец, совсем исчезла. Макс подумал, перекрестился и пошел дальше, обходя кусты и деревья и спотыкаясь о наваленный хворост и пни. Он шел с добрый час. Лес становился гуще и темнее.

Вдруг что-то зашумело, затрещало в кустах. У Макса замерло сердце. Он хотел было закричать. Но тут он увидел, как из кустов вылетела какая-то пестрая птица с большим хвостом. Это была кукушка. Макс ободрился, даже улыбнулся и пошел дальше.

«Не нужно бояться!» — подумал он.

Но только он подумал это, как из-за груды валежника поднялся огромный медведь. Он посмотрел на Макса и так страшно зарычал, что Макс закричал неистово и, не помня себя, бросился бежать куда глаза глядят.

Он бежал долго, несколько раз падал, исцарапал в кровь и руки, и лицо, вскакивал и снова бежал. Наконец силы ему изменили. Он остановился, бледный, полуживой, задыхающийся, и сел на пенек. Он долго слушал, присматривался, не гонится ли за ним медведь.

Но в лесу было тихо. Никакого звука, ни шороха. Только высоко шумели все сильнее вершины сосен. Набегали тучки, порывистый ветер проносился по лесу.

«Нет! — подумал Макс. — Не мне суждено свершить подвиг. Я хилый мальчик, трус». И горько плача, он пошел домой. Но к дому не было дороги. Максу казалось, что он шел именно туда, где был дом бабушки, а на самом деле он шел совсем в другую сторону. Он шел целый час, думая, вот-вот покажется тропинка. Но тропинка не показывалась, как ни присматривался Макс. Везде кругом был дикий лес, и все сильнее и сильнее гудели его вершины.

Макс пошел в другую сторону. Ему страшно было сознаться, что он заблудился. Несколько раз ему казалось, что он попал на то место, по которому прежде шел. Вот и пенек обгорелый. Вот и куст волчьих ягод. Но чем дальше шел Макс, тем больше попадалось ему кустов волчьих ягод и обгорелых пеньков. А в лесу стало совсем темно, и вдруг яркая молния осветила все деревья. Почти вслед за ней разразился страшный громовой

удар и раскатился далеко по лесу, а дождь зашумел, полился ливнем.

Макс шел, спотыкаясь. Ноги его дрожали, мысли путались. Он шел и всхлипывал, наконец, совсем выбился из сил. Весь мокрый от дождя, он упал на сырую землю и громко из последних сил закричал:

— Бабушка! бабушка! — где ты?

— Это что за галка прилетела! — закричал над ним какой-то тонкий, но сильный голос. — Откуда бог послал!

И с дерева, под которым лежал Макс, начал быстро и ловко спускаться другой мальчик. Он был одного роста с Максом, но совсем не походил на него. Загорелый, весь оборванный, с худыми, но сильными ручонками, с желтым грязным лицом, с большими губами, приплюснутым носом, серыми глазами и длинными нечесаными волосами, которые торчали ежом во все стороны.

Макс приподнялся. «Это, верно, лесной дух», — подумал он и принялся еще сильнее плакать.

А мальчик наклонился над ним и начал блеять по-козлиному, передразнивая Макса.

— Мэ-э-э!.. — кричал он, — вчерашний день потерял, сегодняшнего не видал. О-о-о! горе мое девичье!

— Дух! добрый лесной дух! — вскричал Макс, став перед мальчиком на колени и складывая руки. — Выведи меня из этого леса, выведи меня к бабушке, и я обещаюсь никогда более не заходить сюда и не тревожить тебя.

— Ха! ха! ха! — захохотал мальчик. — Я такой же лесной дух, как ты храбрый рыцарь. Вот уж больше года я живу в лесу, а никаких таких лесных духов и леших не видал да и никогда не увижу. А какая же такая твоя бабушка?

— Она там живет, в большом доме. — Макс назвал бабушку.

— Фью! фью! фью! — засвистал мальчик. — Так вот какая барыня твоя бабушка. Ну, к ее деревне я близко-то и не подойду, да и тебе дороги не покажу, да и дорога туда не близкая. Ее староста за мной немало гонялся, да еще с собаками. Так вот ты какая птица! бабушкин внучек! Ну, по твоим следам и меня найдут. Прощай: лихом не поминай!

И он быстро пошел между кустами, стряхивая с них крупные дождевые капли и бодро шагая навстречу ветру, обдававшему его дождем.

Макс бросился за ним. Он понял, что это не лесной дух, и ему опять стало страшно при мысли остаться одному в этом темном лесу.

Мальчик остановился и обернулся. Он увидел, что Макс гонится за ним, и поднял большой сучок.

— Только подойди, подойди! — закричал он. — Я тебя так отпотчую, что ты и своей бабушки не узнаешь!

— Не оставляй меня одного! Ради бога не оставляй! — закричал отчаянным голосом Макс. — Я умру здесь с голоду. Меня съедят медведи или волки. Приведи меня к бабушке, и она тебе за это дорого заплатит.

Мальчик подумал и подошел к Максиму.

— Слушай, нюня! — сказал он, — к бабушке твоей я не пойду и тебя не поведу, а с собой, пожалуй, возьму. Как тебя зовут?

— Максимум.

— Ха! ха! ха! Макс, Макс... Настоящий ма- каный Макс! — Ну! пойдём, Макс, Макс, ха!

ха! ха!..

— А тебя зовут хохоткой? — спросил обиженный Макс.

— Меня? Нет, меня зовут зовуткой. А ты меня зови, как хочешь: Савкой, Сивкой, Буркой, Кауркой.

— Я тебя буду звать Волчком, — взглянув на него, сказал Макс.

— Ну и на здоровье! А ты шагай, не отставай, а то опять один останешься.

И Макс торопился изо всех сил, задыхаясь и спотыкаясь о пни.

Они шли долго. Голодный, усталый, Макс несколько раз готов был упасть в обморок. Дождь перестал. Прояснило. Настал вечер. Наконец они вышли на большую поляну, которая была над крутым оврагом.

— Ну! вот мы и пришли на теплое местечко, — сказал Волчок. — Коли здесь найдут, так в овраг скатимся.

Макс совсем повалился на сырую траву. Он едва дышал.

Волчок набрал хворосту, сложил костер и зажег его.

Сырые сучки тихо разгорались. Они тре-

щали и дымились, разбрасывая далеко искры. Из темного оврага веяло сырým холодом. Высоко сквозь вершины деревьев блестело потемневшее небо.

А Волчок взлез на большую сосну, на которой были поставлены им силки. В силках билась запутавшаяся куропатка.

— Ага! серая барыня, попалась! — закричал Волчок, и глаза его засветились в темноте, как у настоящего волчка. Он высвободил птицу из силков и, держа ее высоко в одной руке, довольный, спустился с дерева.

— Ну! Маканый Макс, — сказал он, подойдя к костру, около которого лежал Макс, — видно, о твоём счастье бабушка молится. — И он поднес к лицу Макса куропатку, которая сильно билась и трепетала, широко раскрыв рот.

Макс быстро поднялся. Он посмотрел на куропатку. Даже при свете костра ее пестрые перья были красивы, а черные большие глаза смотрели так приветливо и жалобно.

— Волчок, — спросил Макс, — неужели ты ее убьешь?!

— Нет! Зачем убивать. Я только ее

немножко кокну, а потом изжарим и съедем.

— Волчок! Ведь она жить хочет. Сжался над ней:пусти ее!

— А я разве тоже не хочу жить? Видишь, какой сладкий. Ты, верно, у бабушки-то лепешек до тошноты наелся, а я со вчерашнего вечера еще ничего не ел.

И он взмахнул куропаткой, чтобы ударить ее о камень. Но Макс быстро схватил его за руку.

— Волчок! — умолял он. — Мы не умрем с голоду. Мы найдем кореньев, ягод... Мы найдем чего есть. Разве мы звери хищные, волки, что будем душить бедную лесную птицу. Ах, Волчок! Ты рассуди, подумай, если каждый человек, если все люди будут жить всегда как звери, бить, убивать все, что им под силу, бороться и давить всех слабых, тогда будет тяжело жить на свете.

Волчок опустил руку. Макс невольно попал ему в больное место. Он быстро овладел рукой Волчка, в которой была куропатка. Но только что хотел разжать ее, как Волчок с силой оттолкнул его и с размаху ударил птицу головой о камень, а потом бросил ее на зем-

лю.

Куропатка сделала несколько судорожных движений и умерла, вытянув шею и раскрыв рот, из которого потекла кровь.

Макс отошел и лег на то место, на котором прежде лежал. Ему было тяжело и досадно. Ему хотелось уйти куда-нибудь дальше, но кругом был лес и темная ночь, которая казалась еще темнее от огня, около которого сидел Волчок и с аппетитом общипывал куропатку. Затем он вздернул ее на длинный железный прут, обсыпал ее солью, обложил салом и начал жарить ее над костром, как на вертеле.

Через полчаса он снял ее с прута и, обжигая руки, оторвал крылышко.

— Ммм!.. — ворчал он, обгладывая его и облизываясь. — Просто сахарная. — И он оторвал другое крыло и часть грудины и поднес к Максу. — Ешь, гостем будешь.

Макс посмотрел на дымившийся кусок. Он так хорошо пах, а Макс с утра ничего не ел. «Что же, — подумал он, — ведь уж теперь она изжарена». И он с аппетитом съел поданный кусок... и даже попросил еще ножку.

— Ну, — сказал Волчок, обглодав дочиста последнюю косточку, — теперь давай сыпуна делать. — И он свернулся подле костра, подложив руку под голову. — Соснем с часок, а там надо будет дровец в огонь подложить! — И он зевнул и захрапел.

А Макс долго не мог заснуть. Он ворочался на жесткой земле и сырой траве. Ему чудился повсюду какой-то робкий шорох. «Не крадет-ся ли к нам волк?» — думал он и всматривался во все кусты, сквозь которые чернела темная ночь...

Только на рассвете задремал Макс и заснул как убитый, измученный и усталый. А над лесом вставало светлое утро. Верхушки деревьев заалели. В кустах громко запела малиновка.

Более месяца прожил Макс с Волчком в лесу. Часто на него нападала неодолимая грусть и сильное желание увидеть бабушку. Несколько раз он старался выпросить Волчка, как выйти из лесу, но тот всегда отвечал очень коротко и ясно:

— Ступай прямо, потом поверни налево, заверни кругом и как раз придешь куда сле-

дует... А я тебе вот что скажу раз навсегда: если ты вздумаешь бежать от меня, то я тебя брошу, и тебя съедят волки.

И Макс сильно этого боялся.

Иногда Волчок оставлял его одного подле оврага, около большого дерева, на которое он выучил его влезать, и затем пропадал на день, даже на два. Он приносил с собою всегда хлеба, какой-нибудь провизии и разных вещей, которые были им необходимы. Эти дни для Макса были самые тяжелые, но и к этому страху он привык, как и ко всему в своей новой жизни — жизни лесного бродяги.

Он любил лес. В нем было столько разных ягод и грибов, столько птиц, за которыми Макс вместе с Волчком наблюдали по целым часам.

И чем дольше Макс жил в лесу, тем более он ему нравился. Хорош он был в светлое раннее утро, когда все кусты и деревья, казалось, пробуждались от сна и расправляли свои листья, подставляя их под первые лучи солнца... Хорош он был и в тихий, ясный вечер, когда перекликались, как будто нехотя, лесные птицы, укладываясь спать, а соловей в кустах на-

чинал втихомолку свои первые трели. Даже в сырую дождливую погоду этот лес был хорош, и Макс так покойно дремал на траве под тихий, ровный шум мелкого дождя возле тлевшего и дымившегося костра.

И все, что думал и чувствовал Макс, все он передавал товарищу своей лесной жизни, на все он указывал Волчку, и сам Волчок мало-помалу начинал сознавать ту красоту, то влияние тихой, полной жизни природы, которого он прежде не чувствовал или чувствовал бессознательно.

Нередко в ясные вечера и душные июльские ночи Макс много рассказывал Волчку про то, что он читал, рассказывал, как люди живут и в Африке, и в Америке, и даже на островах Тихого океана. И Волчок с жадностью слушал эти рассказы, но еще более он любил те сказки, которые иногда рассказывал ему Макс.

Раз, после долгого двухнедельного дождя настал ясный, теплый вечер, которому Макс был так рад, потому что в теплую погоду у него самого как будто тепло становилось на сердце и ясно в голове. Они сидели с Волчком

на небольшой горке под большими старыми соснами.

Макс рассказывал какую-то индийскую сказку. Волчок, подперши обеими руками голову и полулежа на траве, внимательно слушал его.

Когда Макс кончил сказку, солнце давно уже закатилось. Тихие, теплые сумерки окружали все деревья.

— Хороша сказка? — спросил Макс.

— Да! хороша, — ответил Волчок и начал набирать хворосту, чтобы развести костер.

— А вот я тебе расскажу теперь свою сказку.

И он зажег хворост серной спичкой и раздул огонь.

— Теперь я тебе расскажу свою сказку, — повторил он и разлегся около костра.

— Не больно далеко отсюда, а где, это тебе все равно, стоит небольшой город. В этом городе большое заведение... Ну! И в этом заведении много таких мальчиков, как вот мы с тобой. Только жить им хуже, чем нам с тобой, гораздо хуже. Ты слышишь или нет?

— Слышу, — сказал Макс.

— Заставят, например, тебя таскать воду наверх. Ну, и целый день ты носишь по два ведра, так что всю грудь разломит и плечи станут точно чугунные. А если отстанешь от других, так за это тебя вздуют. Как пробьет восемь часов и все покончат работы, то расходятся по домам. Устал ты так, что тебе божий свет не мил, все в тебе ноет. Битый ты и голодный, и за все за это дадут тебе пятак, да и то норовят вычесть из него три копейки штрафа... Ты слышишь или нет?

— Слышу, — отозвался Макс.

— И вот идешь ты с этим пятаком домой. А путь тебе не близок до твоей деревни. Идешь ты и думаешь: полно, не вернуться ли мне назад в город? Потому что... врут, брат, люди, когда говорят, что везде хорошо, а дома лучше. Дома, брат, хуже. Там тебя встретит перво-наперво дядя Андрей, мужчина здоровенный, кулаки-то у него будут с тебя ростом или разве что немножечко побольше. Сам он красный, как кумач, а нос-то сизый, точно прачка подсинила его, да забыла прополоскать. И вот этот-то дядя родной зарычит на тебя словно из пожарной трубы: «Что долго

нейдешь, где таскаешься, лентяй, дармоед поганый! Опять, чай, грош принес!» Ну, и счастье твое, коли принес пятак, а не то согнут тебя в бараний рог, закрутят тебе руки назад и начнут тебя по спинному хребту мазать жестким, что твой кирпич, кулаком... Ты этого не отвеदывал, нет?!

— Не отведывал, — пробормотал Макс.

— Ну и хорошо!.. Как поглядят тебя этак раз-за три, четыре, так ты и не знаешь, где ты, на земле или в небе, жив ты или мертв. Наконец, очнешься ты, встанешь, и только что вошел ты в избу, накинется на тебя бабушка, старуха ехидная, и начнет она тебя приголубливать. Честит-честит она тебя на все корки, как у ней язык-то не вывернется. Доберешься ты, наконец, брат, до своей стельки, до соломенного тюфяка, что жестче этой травы, на которой мы теперь с тобою спим. Дадут тебе горшок прокислой, прогорклой каши, что свињи не едят, и на том будь благодарен за все протори и убытки...

Макс слушал его с открытым ртом. Он хотел что-нибудь сказать ему и ничего не мог.

— И вот один раз случилась история, —

продолжал Волчок. — Был у нас на фабрике мальчишка, ледащий да худенький такой, точно вот ты (и Волчок покосился на Макса), и привязался к нему этот кашель, так что работать он уже не мог, и только приходил иногда чего-нибудь поесть. Ну, мы и давали какую-нибудь корку, потому что съесть он много не мог, а все-таки и с голоду не помирал. Вот приходит он раз, еле дотащился, идет и валится, а кашель его так и одолевает. Дали мы ему корок — не ест. «Не хочу», — говорит, а сам сел на камешек и плачет. Дело было к вечеру. Обступили мы его, да и потешаемся. «Кисель ты, кисель, — говорим, — о чем ты киснешь?!» — «Мне надо бы пятак! говорит, — я, - говорит, — завтра помру — так мне хотелось бы мамоньке на память обо мне пятак оставить», — а сам так и плачет! Ну! тут все захохотали. Видишь, говорят, нежный какой! — прямой кисель. А на меня вдруг блажь нашла. Держу я это в кармане в кулаке пятак — да так меня и тянет отдать ему. А он смотрит на меня. Глаза у него большие, большие, слезы из них так и бегут, а сам он как будто смеется, и кашель-то его душит. И не

знаю я, как это случилось, — только вынул я пятак и бросил ему на колени, так что все даже на меня оглянулись, а он, Сенька-то, схватил этот пятак, как кошка, ухватил его, прижал к груди, да вдруг повалился, покатился, задрыгал ногами и помер, а изо рта у него кровь пошла ручьями. Тут мы испугались. Пошли за приказчиком. Пришел приказчик, посмотрел и начал браниться. «Вы, — говорит, — беду делаете, за вас тут отвечай. Сколько раз говорил вам, подлецам, не пущайте во двор посторонних людей. Всех вас, скотов, колотить надо. Только вы тогда и слушаетесь. А это, — говорит, — что у него в руке?» — «Пятак, — говорят, — дал ему вот», — на меня показывают. Тут он на меня накинулся. «Ты откуда, — закричал, — такой богач выискался? Ты получаешь хозяйские деньги из кассы, да раздаешь их нищим посторонним людям. А?» — И нагнулся он над Сенькой-то, над мертвым и хотел выхватить у него пятак из руки, — а рука-то у него хрустнула, — вырвал пятак и положил его в жилет. «Вишь, — говорит, — мошенники, нищих прикармливают хозяйскими деньгами. Я вас, — говорит, —

всех завтра же по шеям из заведения, богачи». — А после погрозил кулаком и ушел. Все молчат. Посмотрел я на всех, повернулся и пошел домой. И как я дошел до дому, не помню. Все мне мерещится Сенька мертвый, и как у него, у мертвого, приказчик отнимает пятак и в карман к себе кладет. Добрел я до дому, тут сейчас встретил меня дядя Андрей и спрашивает: «Где пятак?» — «Пропил!» — говорю. Ну! Принялся он меня тужить: бил, бил и все мне кажется мало. Ну-ка еще, говорю, а ну-ка еще! Наконец, ударил он меня по виску, и я обеспамятел. Сколько лежал, не знаю. Ночь уже была, когда очнулся. Встал я, огляделся и пошел, не знаю куда, — и бродил, должно быть, целую ночь. Как бродил, ничего не знаю, а на утро очутился в этом лесу. И с тех пор лишь здесь и живу. Никто меня не бьет, пятаков нету, кругом хорошо, тихо. Краса и благодать — чего лучше?

И Волчок замолчал, оглянулся кругом на деревья, которые словно спали в ночной темноте, и уставился неподвижно на тихо догорающие уголья костра. А Макс встал и подошел к нему. Лицо его горело, из глаз текли

слезы.

— Митя! — сказал он. — Митя! — И нагнулся к нему, и оперся рукой на его плечо. В первый раз он называл Волчка Митей, и давно, очень давно Волчок не слыхивал этого имени. Он еще ниже потупил голову и еще пристальнее стал смотреть на уголья.

— Митя! — сказал Макс. — Это нехорошо! Ты не должен жить здесь в лесу.

— Отстань! — сказал Митя и оттолкнул Макса. Но Макс не отставал. Он сел подле Мити.

— Митя! — сказал он. — Ты не сердись. Ты подумай, если все, кому нехорошо жить, просто разойдутся по лесам, то кто же будет стараться, чтобы жить было лучше? Ты, Митя, сильный, крепкий. Тебе грешно, стыдно жить так. Ты должен бороться, защищать слабых от сильных, если у них камень вместо сердца. Верь, Митя, что впереди будет лучше! — И глаза Макса, немного потухшие, снова заблестели. — Впереди свет, добро, истина. Надо завоевать их, надо бороться со злом. Что за дело, если погибнешь в борьбе. Другие тебя заменят — память о тебе останется.

Волчок ничего не отвечал. Он лежал, опустив лицо к земле, щипал траву, грыз ее и разбрасывал. И Макс не видал, что выражало это лицо и что по этому лицу катились слезы.

— Ну! все это... завтра! — проворчал Волчок, — утро вечера мудренее! И он махнул рукой и, не оборачиваясь к Макс, отошел от куста и развалился на траве возле большого орехового куста.

Но завтра случилось то, о чем не думали, что не предвидели ни Макс, ни Волчок.

Макс долго не мог уснуть. Он соображал и придумывал, как бы это все устроить, чтобы Волчок мог бороться и вышел бы из борьбы с торжеством. Планы, один другого фантастичнее, сложнее, неисполнимее, роились в пылкой маленькой головке. И только перед рассветом усталые мысли запросили отдыха, и тяжелый, болезненный сон охватил эту головку.

А Волчок давно крепко спал, как он никогда не спал во все время своей лесной жизни.

Порой казалось Макс, сквозь сон, что какой-то гул проносится над ним, что-то обдает его жаром и смрадом. Наконец, он ясно по-

чувствовал, что его ноги чем-то сильно обожгло. Он проснулся, опомнился и в ужасе отскочил. Перед ним целой, сплошной, клубящейся стеной поднимался густой дым и застилал небо. И в этом дыму прыгали, металась огненные языки, и с треском и гулом горели деревья.

Он бросился к Волчку. Еще несколько мгновений, и огонь обхватил бы тот ореховый куст, под которым спал Волчок как убитый.

— Митя! Митя! вставай! — расталкивал его Макс.

Волчок очнулся, взглянул, вскочил, быстро схватил Макса за руку, и оба стремглав бросились в узкое отверстие между пылающими кустами сквозь дым и тучи искр. Кругом всей поляны, на которой они были, пылал лес, к оврагу не было прохода.

Они бежали как безумные. Пылом и дымом обдавало, душило их. К счастью, ветер был слаб. Через полчаса они оставили за собой пожар, усталые, измученные, прошли тихим шагом еще с версту и, остановившись на небольшой прогалинке, опустились на зем-

лю, измученные до изнеможения.

— Верно, искру раздуло и набросило на хворост, что я сложил подле костра, — сказал Волчок и взглянул на Макса.

Бледное лицо Макса было испуганно, глаза остолбенели.

— Вздохнем немного, — сказал Волчок, — да опять припустим, а не то красный петух как раз догонит: он ведь без ног бежит, только земля дрожит.

И он нагнулся и приложил ухо к земле.

— Видишь, как гудет, никак ближе подходит!

Он приподнялся и начал нюхать воздух по ветру.

— Гарью тянет! — пробормотал он и оглянулся.

В стороне в кустах зашелестело, и три зайца выскочили на прогалину, один за другим, и все присели на задние лапки.

— Фью, фью, — засвистел Волчок, — али ушки спалили?

Зайцы покосились, повертели ушами в разные стороны и вдруг все разом вскочили и унеслись в чащу.

Вылетел большой тетерев, он тяжело махал крыльями, раскрыв рот, и низко над землей пронесся вслед за зайцами.

Пролетело с писком несколько маленьких птичек. Сильнее запахло гарью, и вдали показался дым, как синеватый туман.

— Ну, и нам пора, — сказал Волчок, вставая. — Бежим!

И он схватил опять Макса за руку, приподнял его с земли и почти поволок за собой.

Они шли скоро и долго. У Макса подгибались ноги. Он поминутно падал. Жажда томила его, в горле все пересохло.

— Ну! — сказал Волчок, спускаясь в долину, где бежал ручей. — Сюда не доберется, а если и доберется, так не съест, место чистое.

И он также, измученный, усталый, повалился на землю.

Ветер стих, пожар остановился вдалеке от них. Пошел дождь, мелкий и холодный.

Немного отдохнув, Волчок напоил Макса из холодного ручья. Но ни эта холодная вода, ни холодный дождь не освежили его. В нем все горело...

Для Волчка может быть в первый раз в его

лесной жизни настали трудные дни.

Целых две ночи и два дня не отходил он от Макса; а Макс то лежал в забытьи, то быстро приподнимался и хотел бежать, но тотчас же опять падал. «Пожар, пожар!» — бормотал он, поводя дикими испуганными глазами, и весь дрожал, и снова забывался, и лежал по целым часам в полном бессилье.

И точно так же в бессилье сидел над ним Волчок, не зная, как и чем помочь. Он вспомнил, как лежала его больная мать и как умерла она точно так же без всякой помощи. Вспомнил он, что вообще в их деревне люди не лечились, и больные лежали, а здоровые делали свое дело, заранее зная, что должно совершиться что-нибудь одно из двух: переможетя — оживет, не переможетя умрет.

И с этим самым тяжелым вопросом сидел теперь Волчок над Максом, изредка переключая его со взмокшей травы куда-нибудь на сухое место и стараясь в кустах спрятать его от дождя.

На третий день дождь перестал. Прояснило. Солнце закатывалось, краснея сквозь неулегшийся дым. В лесу было тихо. Тихо пе-

рекликались птички на высоких деревьях, и тихо стояли эти деревья, краснея своими вер-хушками.

Макс вдруг приподнялся. Впалые щеки его горели. Широко раскрытые глаза блестели. Но в них уже не было дикого огня: они светились, как у здорового кротко и восторженно.

— Митя! — сказал Макс, и слабый голос его был тверд и ясен. — Митя, я скоро умру.

— Зачем умирать, — сказал Волчок, под-держивая его. — Умирать не надо.

Макс заплакал и задумчиво сидел несколь-ко мгновений, с трудом тяжело дыша.

— Митя, — заговорил он опять тем же сла-бым, но твердым голосом, — у меня до тебя две просьбы. Вот это, — он дрожащей рукой распахнул рубашку на груди и с трудом, при помощи Волчка, снял с шеи маленький кре-стик, — вот это, Митя, отнеси к бабушке. Это для нее будет утешение за все горе разлуки со мной. Митя! исполни это.

— Хорошо, — сказал Волчок и надел кре-стик на себя.

Макс опять помолчал несколько секунд. — А другая моя просьба, — начал он и припод-

нял голову, — другая просьба — верь, Митя, верь, что когда-нибудь всем будет лучше жить; верь и борись во имя этой веры. Впереди свет, Митя, и он протянул правую руку вперед, и глаза его заблестели еще сильнее. — Я вижу этот свет.

И другой рукой, горячей и дрожащей, Макс крепко сжал руку Волчка.

Волчок смотрел вперед, куда глядели блестящие глаза Макса и была протянута рука его. Там сияла заря. Светлое, легкое, золотистое облако стояло над ясным закатом. Макс тихо шептал:

Свете тихий! Свете дивный!

Но этот свет незаметно угасал, и как будто вместе с ним погасла жизнь Макса; глаза его потухали и, не мигая, смотрели вперед на светлое небо. Рука опустилась. Румянец сбегал с впалых щек, и желтые, мертвенные тени разливались по лицу. Наконец, тяжелый, громкий вздох с тихим стоном вырвался из его судорожно подымавшейся груди, и Волчку показалось, что в этом вздохе вылетело все горе, вся боль тяжелой земной жизни.

Он еще несколько мгновений держал в дрожащих руках тело Макса.

Он не верил. Ему казалось, что перед ним еще жив товарищ его лесной жизни, которого он, не зная сам как, полюбил крепко, всей силой прочного, глубокого чувства.

Тело начало холодеть. Он высвободил свою руку из окоченевшей руки Макса и тихо опустил его на траву.

Потом он долго сидел над ним и смотрел, как погасало и как бы расплывалось, уносилось в глубокую даль светлое облако.

Наконец от него ничего не осталось. Только заря сияла розовым сиянием, а кругом спал лес, как и всегда бесстрастный и ни о чем не думавший.

Волчок сидел, тоже ни о чем не думая. Он хотел переломить, заглушить в себе нестерпимую боль тяжелого одиночества — и не мог.

Наконец он застонал как-то дико, глухо, потом все громче и громче и, обхватив труп Макса, зарыдал, завыл на его груди.

Долго рыдал и трепетал он на этой груди, пока слезы не смыли всей тяжести злобы с

его наболевшего сердца.

Потом он просидел почти всю ночь над трупом в грустной и глубокой думе. Планы новой жизни, крепкой, упорной, со всей тяжестью тяжелого труда, разворачивались перед ним. Теперь он жаждал борьбы, он верил, он надеялся, он любил.

Перед рассветом уставшая голова его начала кружиться, и, не помня как, он тихо свалился на траву, подле тела Макса, и заснул тяжелым, зловещим сном.

На другой день Волчок снес тело Макса на ту поляну, где они жили вместе.

Из дупла обгорелого дуба он вытащил обломанный заржавленный заступ и вырыл им под этим дубом довольно глубокую яму. Он положил в нее труп.

«Лежи спокойно, друг, — подумал он, — некрасиво, да зато от чистого сердца схороню я тебя».

И он засыпал его землей и долго тщательно утаптывал холмик этой земли над могилкой, чтобы не разрыл его дикий зверь.

В большом доме, у бабушки Макса, было тихо и скучно. Она не вставала с постели. В

доме окна были завешены, пахло ладаном, разными спиртами и микстурами. И по целым дням бабушка только и делала, что вспоминала и рассуждала о Максе то с мамкой, то с дядькой, то с управляющим, то с сенными девушками — она вспоминала о нем и по ночам и молилась.

Раз вечером, когда в ее спальне сидели и мамка, и дядька, и управляющий, что-то застучало под окном: чье-то бледное лицо глянуло сквозь стекло в небольшую щель, которая оставалась от спущенной шторы.

Все бросились к окну, растворили его, но под окном никого не было. Дядька бросился в сад; но только что он вошел в столовую, как столкнулся с горничной девушкой. Она была в слезах.

— Вот от барича, — вскричала она, всхлипывая, и что-то блеснуло в ее руке. Она быстро понесла крестик Макса к бабушке в спальню.

Она рассказала, что пришел оборванный, грязный мальчишка и принес этот крестик, и сказал, что Макс умер в лесу.

Бабушка затряслась, помертвела. Все бро-

сились к ней, начали ее оттирать, вспрыскивать нашатырным спиртом.

А управляющий быстро встал и пошел в сени.

«Не тот ли это бродяга, — подумал он, — что прошлого года передушил у нас пять кроликов в парке. Пожалуй, он и сманил уйти Макса в лес».

И чуть не бегом он отправился в сени. Но в сенях никого уже не было. Все девушки были в спальне. А Волчка и след простыл. Только на столе в столовой стоял забытый впопыхах кувшин, в котором было молоко. Но теперь он стоял почти пустой. Волчок выпил его чуть не залпом. Ведь он прошел больше двадцати верст, устал, ничего не ел и жажда томила его.

Управляющий обыскал все конуры, весь сад. Спустили злых собак — бегали, рыскали, атукали, но Волчка не затравили...

Куда ушел Волчок, как жил и боролся он — никто не знал, да и зачем знать об этой темной жизни одинокого борца? Только бы не упал он скоро под гнетом темных сил, да подержала бы его великая, согревающая вера в

то, что когда-нибудь всем будет лучше жить на свете.